

Введение

Две стороны работы с источником

«Загадки истории», «Тайны истории» – расхожие заголовки популярных изданий. Но не только их одних: вполне строгие научные работы иногда тоже не гнушаются использовать подобные определения в своих названиях. В самом деле, прошлое содержит в себе еще так много непознанного и удивительного, странного и загадочного, что от таких эпитетов бывает довольно трудно отказаться. Впрочем, и сами документы прошлых эпох задают порой такие «головоломки», решение которых напоминает разгадку своеобразных ребусов¹, а долг историка, как известно, «уметь разгадывать те загадки, которые ему задают источники...»². Впору, кажется, историкам вообще задаться вопросом, а не пора ли им всерьез задуматься над разработкой методики новой исторической дисциплины под названием *историческая энigmatика*, предметом изучения которой и могли бы стать подобные загадки?

Работа историка с источником – сложный, многосторонний процесс. С одной стороны, историк *использует* источник, задавая ему все новые и новые вопросы и добывая с его помощью интересующую самого историка и его современников информацию о прошлом. С другой стороны, в ходе уже самого этого «использования» начинается и *постижение смысла* самого памятника, т. е. целей и задач, которые ставил перед собой и решал создавший его автор. Историк должен постоянно проверять (верифицировать) получаемые им результаты «использования» источника, сопоставляя их со своим же меняющимся собственным «пониманием» того,

¹ От лат. «res» > «rebus» («вещами»), т. е. загадка, заданная «фигурами», пиктограммами, знаками.

² Данная «максима» прозвучала в ходе очень интересной, но довольно жесткой дискуссии о загадочном феномене ограбления умерших средневековых правителей, состоявшейся между М. А. Бойцовым и А. Я. Гуревичем на страницах «Казуса» и «Одиссея»: «Историк должен уметь разгадывать те загадки, которые ему задают источники ...». См.: *Гуревич А. Я. Конец света или карнавал? Ответ М. А. Бойцову // Одиссей. Человек в истории. 2003 (далее: Одиссей – 2003). М., 2003. С. 253.* «Назидательный вывод», по-видимому, с некоторой иронией был воспринят адресатом. См.: *Бойцов М. А. Казус с «Одиссеем» // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2004 (далее: Казус – 2004). Вып. 6. М., 2005. С. 421.*

зачем использованные им сведения автор поместил в свой текст. Это понимание, разумеется, не приходит исследователю само по себе, поскольку оно тоже нуждается в специальном анализе. Лишь во взаимодействии этих двух сторон работы историка с источником заключен залог успеха его исследования, хотя сам по себе этот процесс представляется бесконечным, а исторический источник «бездонным» и «неисчерпаемым». Здесь проявляется своеобразная диалектика изучения исторического памятника: нельзя осмыслить источник его не используя, и наоборот, невозможно правильно его применить, не понимая его смысла. И чем дольше мы его изучаем, чем многограннее становятся аспекты его рассмотрения, тем глубже мы постигаем и смысл самого источника, и замысел его автора.

В процессе такого познания завязывается «диалог» современного историка с человеком из прошлого, автором этого памятника. И только при условии признания в своем «собеседнике» представителя «иной» культуры, этот «диалог» вообще может состояться. Речь идет о трудном «разговоре», поскольку оба говорят на своем собственном «языке», не всегда понятном другому. Вопросы при этом задает не только историк автору того или иного текста, далеко не всегда получая от него на них ясные и понятные ответы, но и сам средневековый автор в ответ тоже как бы «ставит» в своем тексте перед вопрошающим его историком «свои» вопросы, которые подчас кажутся тому иногда просто абсурдными и необъяснимыми³. Современный исследователь тем самым оказывается лицом к лицу перед какими-то текстами-шифрами или текстами-кодами, и – если угодно – своеобразными «ребусами-головоломками», «зашифрованными» и «закодированными» их авторами своими особыми «знаками-письменами», которые каждый раз нуждаются в разгадывании, специальной дешифровке и декодировке⁴.

³ Глубоко прав Л. М. Баткин, заметивший в одной из дискуссий, что не только мы вглядываемся в источник, но и он «всматривается» в нас. См.: *Михина Е. М.* Размышления о семинаре. Субъективные заметки // *Одиссей* – 1993. С. 312.

⁴ Говоря обо всем этом, я невольно вторгаюсь в очень сложную область современного источниковедения – в сферу герменевтики, т. е. теорию понимания исторических текстов, в которой я отнюдь не чувствую себя хоть сколько-нибудь сведущим специалистом. Мои, надеюсь, не слишком «досужные рассуждения», опирающиеся, в основном, на мой же собственный скромный опыт практикующего историка, были отчасти спровоцированы работами более умудренных в этой области знания коллег: вводными главами в монографии И. Н. Данилевского «Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов». М., 2004, а также многими пассажирами из книг и статей А. Я. Гуревича, в особенности,

По сути, с подобными иногда почти неразрешимыми «загадками» сталкивается любой историк в практике своей работы над источниками. С ними не раз приходилось встречаться и мне самому. Впервые со своеобразной «головоломкой» автору этих строк выпало «повозиться» еще много лет тому назад в ходе изучения каролингского полиптика аббатства св. Ремигия в Реймсе, на страницах которого он обнаружил (и не он один) странное выборочное описание членов семей держателей в некоторых из глав этого хорошо известного всем медиевистам документа⁵. Одну из «загадок» мне пришлось разгадывать сравнительно недавно, анализируя, как оказалось, довольно странный средневековый хирограф, принадлежавший аббатству св. Петра в Генте⁶. В этот раз я натолкнулся на очередную «загадку», когда «разворачивал» средневековый свиток из архива того же аббатства. Об этом свитке мне уже доводилось писать⁷. О нем же более подробно пойдет речь и в данной

одной из них: «Территория историка» // *Гуревич А. Я.* История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005, особ. с. 596–598.

⁵ См.: *Габдрахманов П. Ш.* Семейные структуры крестьян Шампани IX в. (по материалам Реймского полиптика) // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. Сб. статей / Отв. ред. Т. С. Осипова. М.: ИВИ, 1985. С. 96–121. Насколько я могу судить по последним работам одного из крупнейших современных специалистов в области изучения каролингских полиптиков, известного бельгийского медиевиста Жана-Пьера Девруа, еще более 30 лет тому назад предложившего одно из возможных объяснений указанной загадки, данная проблема (и вообще проблема манеры или формуляра описания семей крестьян в полиптиках) и поныне остается «открытой» и находится в центре его внимания. Это вполне понятно, поскольку ее возможные трактовки играют одну из ключевых ролей при использовании Реймского и некоторых других полиптиков для объяснения многих важных явлений в жизни каролингской деревни. См.: *Devroey J.-P.* Economie rurale et société dans l'Europe franque. Paris, 2003. P. 50–57; *Idem.* Libres et non-libres sur les terres de Saint-Rémy de Reims: la notice judiciaire de Courtisoles (13 mai 847) et polyptyque d'Hincmar de Reims // *Journal des Savants.* 2006 (jan.–juin). P. 65–103; *Idem.* Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VI^e–IX^e siècles). Bruxelles, 2006. P. 377–381, 387–393.

⁶ См.: *Габдрахманов П. Ш.* Что за оказия? Казус средневекового хирографа из архива аббатства Святого Петра в Генте // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени (далее – СВ). Вып. 68(2). М., 2007. С. 143–161.

⁷ См.: *Габдрахманов П. Ш.* Путешествие по средневековому свитку. (Опыт «прочтения пространства» описи грамот об алтарных трибунариях аббатства св. Петра в Генте середины 30х годов XIII в.) // Пространство

работе. Казалось бы, он представляет собой один из самых обычных административных документов, вышедших из канцелярии монастыря, поскольку знакомит нас с некоей описью. Но прежде, чем перейти к характеристике самого свитка и содержащей в нем «загадке», зададимся сначала вопросом, чем же нам могут быть интересны документы подобного рода.

Документы как явления культуры

В современной исторической науке (в том числе и может быть, прежде всего, в медиевистике) все более и более проявляет себя так называемый «культуралистский поворот», означающий «новое видение истории как науки, предметом изучения которой является «культура» во всех ее проявлениях»⁸. Но могут ли подобные вышеупомянутому свитку средневековые документы административно-финансового управления и правовой практики (различные описи, грамоты, счета и т. п.) быть нам интересны и как явления средневековой культуры? Ведь они уже давно и интенсивно (и плодотворно) используются медиевистами как источники по социально-экономической истории. С их помощью изучались (будут изучаться и дальше) различные реалии хозяйственной и социальной жизни средневековой деревни, поместья, города. Некоторые их виды (описи имущества, отдельные счета и др.) уже довольно давно стали привлекаться и для изучения истории средневекового быта, позже переросшей в новое направление – историю повседневно-

рукописи. От формы внешней к форме внутренней. Материалы конференции (Москва, ИВИ РАН, 25 февраля 2009 г.) / Под ред. И. Н. Данилевского, О. И. Тогоевой. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 166–186.

⁸ См. об этом: *Шартье Р.* Новая культурная история // *Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного* / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2003. Кн. 1. С. 271–284; *Эксле О. Г.* Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: Размышления о повороте в сторону наук о культуре (пер. с нем. Ю. Е. Арнаутовой) // *Одиссей – 2003*. М., 2003. С. 393–416; см. также *Арнаутова Ю. Е.* Историческая наука о культуре Отто Герхарда Эксле. Предисловие к книге: *Эксле Отто Герхард.* Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю. Е. Арнаутовой. М., 2007. С. 5–22; *Репина Л. П.* Историческая культура как предмет исследования // *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 5–18; *Она же.* Историческое сознание в пространстве культуры: Проблемы и перспективы исследования // *Время – История – Память: Историческое сознание в пространстве культуры* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2007. С. 3–13; *Она же.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 61–118.

сти. Сравнительно недавно (уже на нашей памяти) некоторые типы административных документов (главным образом, налоговые и поместные описи, меньше – грамоты) начали рассматривать и как важный источник по демографической и антропонимической истории, истории семьи и домохозяйства, и почти сразу же и как столь же важный источник по массовым социокультурным представлениям, определявшим отношение широких слоев (в том числе и низов) средневекового общества к узам родства и семьи, к сексу и браку, женщине и детям. Но может ли самый обыкновенный и распространенный административный документ (например, та опись, о которой пойдет речь) рассматриваться и *сам по себе* как памятник средневековой культуры?

Ответ на этот вопрос зависит, прежде всего, от того, что мы понимаем под словом «культура». Если в отношении нее вести речь только о высокохудожественных артефактах, о шедеврах архитектуры и изобразительного искусства, музыки и изящной словесности (как это обычно трактуется в соответствующих разделах учебников истории), то естественно, в их число документы административного управления войти не могут. Но если понимать под «культурой» нечто более широкое (так, как понимал ее А. Я. Гуревич, говоря о «всех культурно окрашенных сферах творческой практической деятельности людей») – все то, что так или иначе несет на себе отпечаток их умонастроений и мировидения, чувствований и представлений, стремлений и желаний, знаний и умений, то шансы средневековых документов быть использованными в таком качестве становятся не безнадежными.

Приведу в пример не так давно вышедшую книгу молодого бельгийского историка Жоржа Деклерка (*Georges Declercq*), на

⁹См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984 (2^е изд.) С. 27. Пожалуй, еще шире понятие «культура» трактуется Отто Герхардом Эксле в связи так называемым «проектом Макса Вебера». «Именно в нем – пишет О. Г. Эксле в своей статье – мы можем распознать те элементы «культуры», которые определяют это понятие как предмет исторической науки о культуре. Речь идет о «мировоззрении», т. е. об объяснении мира, системах ценностей, нормах, а также о когнитивных и эмоциональных установках (ок. 1900 г. получивших иное название – «ментальности»), о практике (ключевое слово у Вебера – *praktische Lebensführung*), о возникновении социальных институтов (здесь ключевые слова – *Herrschaftsverhältnisse, Spielregeln, objektive überindividuelle Kulturgüter*). Далее речь идет о соединении и пресечении всех этих моментов (здесь ключевое слово – *Gesamtshabitus*), и наконец, о формах субъективного усвоения общественных установлений, т. е. как выражается Вебер, о «формировании отдельных индивидов». См.: Эксле О. Г. Культура... // Одиссей – 2003. С. 394.

работы которого я буду довольно часто ссылаться (и понятно почему: ведь в них тоже говорится о документах аббатства св. Петра Гентского, где был создан и свиток, привлечший мое внимание). Книга Ж. Деклерка называется: «Формирование традиции и манипуляции с текстами во Фландрии X века. *Liber Traditionum Antiquus* Гентского аббатства св. Петра»¹⁰. Предметом его исследования стал древнейший картулярий этого аббатства, созданный в 40-х годах X века, так называемый *Liber Traditionum Antiquus* (далее – ЛТА). «Раньше, – замечает Ж. Деклерк, – подобные картулярии рассматривались медиевистами как простое проявление средневековой рукописной традиции, как обычный сборник скопированных в него грамот, составленный для их сохранения, и данные этих копий грамот медиевисты, особо не задумываясь об их природе, просто использовали в своих работах. Сейчас же к подобным картуляриям относятся как к источникам, имеющим собственное значение. Все чаще им задают вопросы: с какой целью они были созданы и при каких обстоятельствах, какие функции они призваны были выполнять и каким образом составлялись». Для ответа на эти вопросы Ж. Деклерк подвергнул как сам кодекс ЛТА и формы его письма, так и источники и методы работы его авторов (редактора и писца) – по его собственному выражению – «глубокому и критическому исследованию».

В результате проведенного им таким образом анализа этого памятника выяснилось:

– Кодекс ЛТА представляет собой тетрадь (кватернион) из сшитых восьми листов, который сохранился не целиком (утрачены 2 внешних листа из 8).

– Содержание ЛТА состоит из следующих разделов: вводного рассказа об основании и краткой истории монастыря (*Ratio foundationis*), копий двух из наиболее важных дипломов и грамот (Людовика Благочестивого и его современника аббата Эгинхарда), каролингского полиптика, серии из нескольких десятков *notitiae* о дарениях монастырю земель и *mancipia*, совершенных со второй четверти VII века до начала X века. Завершается текст небольшой описью трибутариев аббатства.

– Текст был написан одним писцом и делится с точки зрения правильности латинского языка и применения орфографии на две части: в первой (введение и копии диплома и грамоты) латынь

¹⁰ *Declercq G. Traditievorming en tekstmanipulatie in Vlaanderen in de tiende eeuw. Het Liber Traditionum Antiquus van de Gentse Sint-Pietersabdij. Brussel, 1998 (Verhandelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België. Klasse der Letteren. Jaargang 60. 1998. Nr. 164).*

правильная и орфографические знаки расставлены верно, во второй (остальные разделы ЛТА) – латынь испорченная и орфография небрежная. На основании этих наблюдений Ж. Деклерк выдвигает гипотезу: для копирования первой части писец использовал документы, лежащие перед его глазами, а вот вторая часть писалась им под диктовку редактора, отчего в ней так много ошибок.

– В центре внимания редактора ЛТА находились права и владения, утраченные монастырем в ходе реформы Карла Мартелла и, особенно, в результате войн, усобиц и норманнских набегов каролингского времени. Описывая эти права и владения в нотициях, он прибегает к различным манипуляциям, стремясь не только их восстановить, но и «округлить» за счет владений конкурента – соседнего монастыря св. Бавона, с которым ведется спор о том, какой из монастырей древнее и теснее был связан со св. Амандом, их общим основателем. С этой же целью полностью искажается и история об основании монастыря. Ее текст фабрикуется на основании тенденциозно подобранных отрывков из различных агиографических источников.

– Для восстановления некогда утраченных прав и владений и даже их умножения, в том числе за счет монастыря св. Бавона, автор ЛТА адресует графу Арнульфу (ведь аббатство св. Петра – усыпальница графов Фландрии и членов их рода), как бы приводя ему в пример императора Людовика Благочестивого и его современника аббата Эгинхарда, частично восстановивших права и владения аббатства в IX веке. Вот почему большая часть вводной истории монастыря была почти полностью посвящена времени аббата Эгинхарда (815–840), после которой не случайно в текст и были помещены копия диплома императора Людовика Благочестивого об иммунитетных правах монастыря и копия восстанавливавшей доходы монастыря грамоты самого аббата Эгинхарда, а затем следует полиптик, описывающий последующие монастырские приобретения.

Таким образом, ЛТА предстает в книге Ж. Деклерка не просто как сборник копий грамот с приложенными к нему краткой историей монастыря и полиптиком, а как самостоятельное, цельное, весьма продуманное, тенденциозное и частично сфабрикованное произведение, преследующее достижение определенных целей, содержащее некую «программу», и в котором отдельные его разделы вовсе не кажутся «лишними» и «случайными», поскольку они органично между собой связаны и логично вытекают друг из друга. В результате, являясь по форме административным документом, ЛТА по сути мало чем отличается от *нарративного* источника.

Мной намеренно столь долго было привлечено внимание читателя к этой книге, ибо мне пришлось работать со своим свитком примерно в «том же ключе», в каком Ж. Деклерк работал со своим LTA. Мне хотелось тем самым показать, что предпринятое мной исследование не является каким-то уж исключением. Налицо проявление так называемой конгенитальности, т.е. совпадения по образу мыслей, поскольку мы работали с Ж. Деклерком параллельно и совершенно независимо друг от друга (я получил возможность познакомиться с его книгой лишь уже после проведенного своего собственного исследования). Видимо, и в самом деле уместно говорить о формировании в современной медиевистике устойчивой тенденции некоего нового *историко-культурного подхода* к исследованию средневековых *административных документов*¹¹. Этот подход, как мне кажется, по своему характеру напоминает тот, который уже давно практикуют специалисты по средневековым нарративным текстам.

Действительно, при всех различиях между средневековым документом и нарративным текстом, их объединяет и много общего. Документ всегда жестко подчинен формуляру и правилам делопроизводства, но и в средневековом повествовательном рассказе тоже велика роль различного рода «общих мест», топосов и клише, а также и литературных традиций, которым обязан был следовать его автор при создании своего текста¹². Рассматривая средневековый административный документ как принципиально *такой же* продукт *интеллектуального творчества*, мы вправе ожидать и от его автора ответов примерно на те же самые вопросы и можем применять для его анализа хотя бы некоторые из тех же самых методов текстологического анализа, которые уже давно использу-

¹¹ «...История ментальности вывела на качественно новый уровень проблематику репрезентативности текста в целом: именно в последние годы отбор и организация материала в архивах и картуляриях ... становятся самостоятельными темами исследований» – *Решин А. И.* Дар и некоторые аспекты проблемы становления феодализма в современной медиевистике // СВ. Вып. 65. М., 2004. С. 20. В этой связи будет уместным также заметить, что подобный подход по отношению к административным документам более позднего времени успешно реализуется специалистами и по новой истории. См.: *Левинсон К. А.* Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000; Little tools of Knowledge. Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices / Ed. by Peter Becker and William Clark. Ann Arbor: University of Michigan, 2001.

¹² *Гуревич А. Я.* «Территория историка»... С. 89; *Арнаутова Ю. Е.* Средневековый топос как форма культурной памяти // *Время – История – Память...* С. 93–136.

ются по отношению к нарративным текстам. Нас, прежде всего, должны тоже интересовать те *цели*, которые автор ставил перед собой, создавая тот или иной документ, и те *задачи*, которые он при этом решал¹³. Важно понять также и то, каким образом для достижения этих целей и решения своих задач автор «выстраивал» и «организовывал» свой текст.

Не в меньшей мере нам интересны также *принципы и навыки* его работы: к каким источникам он преимущественно обращался, какая информация в них его привлекала, как осуществлялся им отбор этих данных, их последующая обработка и группировка в тексте документа и многое другое, включая и способы учета, накопления и хранения самой интересовавшей его информации. Проще говоря, нам хотелось бы проникнуть в практику *повседневной работы* средневекового администратора и писца; понять, как он работал, а, следовательно, и то, как он *думал*, что прямо выводит нас не только на вопросы, связанные с историей средневекового делопроизводства и архивоведения, но также и на проблемы, которые ставятся *историей повседневности*¹⁴ и *интеллектуальной историей*¹⁵.

¹³ См.: Данилевский И. Н. Историческая реконструкция: между текстом и реальностью // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. статей / Под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 21–22: «При обращении к тексту любого источника исследователь должен, прежде всего, выяснить (насколько это возможно) замысел его автора, опираясь на систему образов и характеристик, составляющих, так сказать, базовую ткань изучаемого произведения».

¹⁴ За последние два десятилетия библиография работ по истории частной жизни и повседневности стала практически неохватной по своим размерам. Из русскоязычных работ выделю две коллективные монографии, написанные участниками научного семинара, организованного Ю.Л. Бессмертным еще в 90° годы прошлого века, и до сего дня не потерявшие своей научной актуальности (Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни до начала Нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 2000), а также ежегодник «Социальная история» (отв. редактор – Н.Л. Пушкарева), регулярно публикующей на своих страницах в последние годы очень интересные статьи по этой теме. См. также: История повседневности. Сб. научных работ / Отв. ред. М. М. Кром. СПб., 2003 (Серия «Источник. Историк. История». Вып. 3)

¹⁵ См.: Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1–37. М., 1999–2012; Уваров П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе: Спецкурс. М., 2000; Репина Л. П.

«Неподнятая целина»

Поразительно, но оказывается, нам все еще суждено с помощью все тех же административных документов узнать, как же в средние века осуществлялось само *администрирование* и *делопроизводство*¹⁶, и, в частности, как были организованы и как функ-

«Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998 (2009²). С. 224–247; *Она же*. Историческая наука на рубеже... С. 325–366.

¹⁶ Из немногочисленных работ, посвященных истории делопроизводства в различных средневековых администрациях графства Фландрии, в большинстве из которых главное внимание, естественно, уделяется делопроизводству в самой графской канцелярии (см.: *Luyx Th. Étude sur les chanceliers de Flandre pendant le règne de Jeanne de Constantinople // Revue du Nord*. Т. 28. Lille, 1946. P. 241–266; *De Hemptinne Th. La chancellerie comtale (avant l'époque bourguignonne) // Les institutions publiques régionales et locales en Hainaut et Tournai/Tournais sous l'Ancien Régime / coord. par F. Mariage, Bruxelles, 2009 [Miscellanea Archivistica, Studia 119] P. 111–122; *De Paermentier E. La chancellerie comtale en Flandre et en Hainaut sous Baudouin VI/IX (1195–1206) et pendant la régence de Philippe de Namur (1196–1206) // Bulletin de la Commission Royale d'Histoire* (далее – В.С.Р.Н.). Т. 176. N 2. Bruxelles, 2010. P. 254–289; *Eadem. Le poids des mots: le dictamen de la chancellerie des comtes et comtesses de Flandre et de Hainaut (1191–1244): méthode d'analyse assistée par ordinateur, résultats et potentialités // Bibliothèque de l'école des chartes*. P., 2012. P.), помимо уже упоминавшейся книги Ж. Деклерка отметим, хотя и довольно давнюю и по большей части уже устаревшую, но все же сохраняющую для нас некоторый интерес статью *Reusens E. Les chancelleries inférieures en Belgique depuis leur origine jusqu'au XIII^e siècle // Analectes pour servir à l'histoire ecclésiastique de la Belgique*. 2^e série. Т. X. 1^e livraison. Louvain, 1896 (далее – Reusens). P. 20–206, особ.: P. 34–47, где в самых общих чертах рассматривается организация делопроизводства непосредственно в самом аббатстве св. Петра в Генте, а также более свежую статью *Huyghebaert N. Quelques chartes épiscopales fausses pour Saint-Pierre au Mont Blandin à Gand forgées aux XII^e et XIII^e siècles // В. С. Р. Н. Т. 148. N 1. Bruxelles, 1982. P. 1–90*. См. также: *Écrit et pouvoir dans les chancelleries médiévales: espace français, espace anglais. Actes du colloque international de Montréal, 7–9 septembre 1995 / éd. par Kouky Fianu; DeLloyd J. Guth; Fédération internationale des instituts d'études médiévales. Louvain-la-Neuve, 1997; Chancelleries princières et Scriptoria dans les anciens Pays-Bas. X^e-XV^e siècles (Vorstellijke kanselarijen en Scriptoria in de Lage Landen. 10^{de} - 15^{de} eeuw). Bruxelles, 2010 (= Bulletin de la Commission Royale d'Histoire, Т. 176 (2010), N 2)*. Из работ на русском языке следует особо выделить статьи и недавно защищенную диссертацию А. В. Чирковой, основанные на материалах папских булл XI–XIII вв. из Санкт-Петербургских собраний и посвященные истории организации деятельности папской канцелярии. См., напри-*

ционировали средневековые *архивы*. На одном из последних коллоквиумов Международного Комитета по латинской палеографии, посвященном теме: «Хранение рукописей и архивов в Средние века», неоднократно звучала мысль о том, что медиевистам все еще предстоит в данной области «поднять целину»¹⁷. Подобное высказывание может показаться весьма неожиданным, ведь работа почты каждого историка всегда так или иначе связана с изучением архивных манускриптов, а само их исследование осуществляется уже не одно столетие. Можно начать с эрудитов, но не только с них одних. Мне вспоминается одна грамота середины XIII века из архива аббатства св. Ланделина в Крепене, известная нам лишь благодаря двум копиям, сделанным одна – мавристом XVIII века преподобным Кьенсером¹⁸, а другая – почти за столетие до него – королевским нотариусом в Валансьенне¹⁹. Что заставило последнего «залезть» в монастырский архив за средневековой грамотой – неизвестно. Возможно, этого потребовало какое-то из его «дел», но факт остается фактом – интерес к средневековым архивам проявляли уже тогда не одни только мавристы или болландисты, но также и нотариусы²⁰.

мер: *Чиркова А. В.* Можно ли рисовать на папских привилегиях? (Казус конца XII века) // *Пространство рукописи...* С. 33–67.

¹⁷ La conservation des manuscrits et des archives au Moyen Âge. XI^e Colloque du Comité international de paléographie latine, Bruxelles, Bibliothèque Royale Albert I^{er}, 19–21 octobre 1995. Actes édités par Pascale Bourgain et Albert Derolez. Bruxelles, 1996 (= *Scriptorium*. T. L, N 2). P. 331: «...l'histoire des archives médiévales est encore largement un terrain à défricher»; P. 345: «C'est en effet un domaine peu défriché...». Как бы в ответ Центр исследования «Средневековых практик текста» провел в Намюре в мае 2012 года международный коллоквиум, целиком посвященный средневековым архивным писцам. См.: *Le scribe d'archives dans l'Occident médiéval: formations, carrières, réseaux. Colloque international (Namur, 2–4 mai 2012)* / Sous la dir. Xavier Hermand, Jean-François Nieux, Étienne Renard (Centre de recherche "Pratiques médiévales de l'écrit").

¹⁸ Копия 1772 г.: Paris, Bibl. Nat. Collection Moreau. T. 172. F. 10.

¹⁹ Копия 1694 г.: Archive dép. du Nord à Lille, fonds de l'abbaye de Crespin, 4N 25, pièce 195.

²⁰ Обычно при оформлении сделки нотариусы требовали предоставления необходимых документов от самих контрагентов или ограничивались их клятвенными заверениями, специально оговаривая это в нотариальном акте. См.: *Уваров П. Ю.* Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. С. 262–263. Однако не исключено, что в некоторых случаях клиент мог попросить самого нотариуса навести необходимые справки в архивах.

Что же касается собственно самих эрудитов, то их вклад в сохранение и изучение средневековых архивов вообще трудно переоценить: ими были описаны сотни архивных фондов, причем в том их состоянии, в котором они еще существовали во времена Старого Порядка, т. е. до Великой французской революции, оказавшейся поистине разрушительной для «феодальных» архивов²¹. Ими были скопированы и тем самым, можно сказать без преувеличения, просто спасены сотни тысяч средневековых документов²², а кроме того, ими же было начато их изучение и издание. Трудно найти медиевиста, который не был бы в долгу перед этими людьми. После эрудитов уже в XIX веке работа по описанию и изданию средневековых документов приобрела, как известно, невиданный размах. Достаточно вспомнить хотя бы одно то, что львиная доля изданий средневековых картуляриев относится именно к этому столетию. Как раз тогда окончательно оформляются и так называемые вспомогательные исторические дисциплины, в том числе, палеография, дипломатика и архивоведение.

Однако эрудиты и вслед за ними специалисты XIX века интересовались, главным образом, не средневековыми архивами, а хранившимися в них манускриптами. Лишь в начале XX столетия стал отчетливо проявляться интерес медиевистов и архивистов собственно к истории *самых* средневековых архивов, к тому, как же они были в свое время организованы и как функционировали. В 20-е годы прошлого века сразу два видных французских историка – Ш. Ланглуа и П. Лефевр – обратились к своим коллегам с призывом повсеместно собирать и всемерно изучать средневековые картулярии и архивные инвентари, с помощью которых они надеялись узнать, как средневековые архивисты хранили, копировали, описывали, систематизировали и шифровали доверенные им манускрипты²³. И вот, почти сто лет спустя – все еще... «целина»?

²¹ См.: *Филиппов И. С.* Великая французская революция и судьба феодальных архивов // Французский Ежегодник. 1987. М., 1989. С. 159–175.

²² При этом особо значима их роль в сохранении и спасении средневековых актов. См.: *Delmaire B.* Cartulaires et inventaires de chartes dans le Nord de la France // *Les Cartulaires. Actes de la Table ronde organisée par l'École nationale des chartes* (Paris, 5–7 décembre 1991), réunis par O. Guyotjeannin, L. Morelle et M. Parisse. Paris, 1993. P. 307.

²³ *Langlois Ch.* Anciens inventaires des archives // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1924. T. LXXXV. P. 227–228; *Lefèvre P.* De l'utilité des cartulaires pour le classement et la publication des documents provenant des anciennes institutions religieuses // *Archives et bibliothèques de Belgique*. 1926. T. 3. N 5. P. 59–63.

Конечно же, это в определенной мере – преувеличение, поскольку даже мне самому известен ряд работ (странно, что о них забыли сами участники вышеупомянутого коллоквиума), написанных еще до Второй мировой войны и *впрямую* пытающихся ответить на те вопросы, которые были поставлены Ш. Ланглуа и П. Лефевром²⁴. В послевоенные и последующие десятилетия тоже немало было сделано в этой области в связи с проблемой устной и письменной культуры Средневековья. Достаточно вспомнить хотя бы об известной работе М. Т. Клэнчи²⁵. Поэтому представляется не случайным, что один из старейших бельгийских историков, архивист и палеограф Ж. Стиеннон был в отличие от своих более молодых коллег весьма сдержан в оценках, предпочитая в своем вступительном докладе привлечь внимание участников коллоквиума главным образом на те конкретные проблемы, которые еще нуждаются в разрешении в связи с заявленной темой²⁶. Тем не менее, структура, организация работы и внутренняя жизнь средневекового архива, какому бы средневековому учреждению (императорской или королевской канцелярии, монастырю или епископской кафедре, вотчинной администрации или городскому совету) он ни принадлежал, действительно, известны нам еще очень и очень мало. Увы, слишком долго медиевисты обращали внимание лишь на лицевые стороны средневековых документов, и почти совершенно игнорировали их оборотные стороны, хотя на них часто имеются дорсальные надписи и пометы, отражающие практику средневековой делопроизводительной и архивной работы²⁷.

* * *

²⁴ *Nelis H.* Inventaire de chartes sous forme de rouleau intéressant la Flandre du XIII^e siècle // Archives et bibliothèques de Belgique. Т. 2, N 7 (1924). P. 97–102; *Louant A.* Le Cartulaire primitif et la classement ancien des archives de l'abbaye de Ghislenghien // Revue d'histoire ecclésiastique. 1938. Т. 34. P. 776–785 (выражаю сердечную благодарность О. И. Тогоевой, любезно предоставившей мне ксерокопию второй части этой статьи).

²⁵ *Clanchy M. T.* From memory to written record: England, 1066–1307. Cambridge, 1979. В отечественной медиевистике о монастырских архивах в связи с этой проблемой писал И. С. Филиппов. См.: *Филиппов И. С.* Раннесредневековый архив аббатства Сен-Виктор де Марсель: опыт реконструкции // СВ. Вып. 51. М., 1988. С. 201–221. См. также: *Он же.* Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 94–124.

²⁶ *Stiennon J.* Considérations générales sur la bibliothéconomie et l'archivistique médiévale // La conservation des manuscrits... P. 229–238.

²⁷ *Pouille E.* Classement et cotation des chartiers au Moyen Âge // Ibid. P. 345.

Известно, что каждый документ неизменно несет на себе печать своего времени. Мы без труда выделяем средневековые документы из документов более поздних эпох. И дело тут не только в их языковых различиях или в том, что они резко отличаются от них по своему содержанию и формуляру. Различия касаются буквально всего, в том числе и прежде всего, сразу же бросающихся в глаза чисто *внешних* их признаков: писчего материала, характера письма, особенностей оформления и многого другого. При постановке исследовательской задачи в данной работе ее автор исходил из того интереса, который проявляется в современной медиевистике не только к содержательной стороне средневековых текстов, но и к внешней форме самих средневековых *манускриптов*. Не одно только содержание, но и шрифт, и пространственное расположение и оформление в них текста, и маргиналии, и даже сама форма пергаменного листа – все это оказывается значимыми символами, несущими важную семантическую нагрузку²⁸. Вот почему автор этих строк предпочитает по возможности работать преимущественно со средневековыми рукописями, а не только с уже опубликованными их текстами²⁹.



²⁸ См.: *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер с фр. и общая ред. С. К. Цатуровой. М., 2001. С. 7; *Решин А. И.* Дар и некоторые аспекты проблемы становления феодализма в современной медиевистике // СВ. Вып. 65. М., 2004. С. 21; *Стаф И. К.* Роже Шартъе: итог двух десятилетий // Одиссей – 2000. М., 2000. С. 291. См. также публикации материалов двух недавно состоявшихся в Институте всеобщей истории РАН конференций: «Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней» / Под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского. М.: ИВИ РАН, 2010 и «Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. статей / Под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского. М.: ИВИ РАН, 2011.

²⁹ В этой связи, не могу не выразить самой искренней и глубокой признательности В. Г. Ченцовой, благодаря постоянной помощи которой автор этих строк и получил такую возможность.